

**часть
первая**

1

пропустив толпу пассажиров, Фёдор встал за колонну, допил коньяк и осторожно опустил бутылку в железную урну. Она чуть слышно звякнула. Он достал сигареты, заметил взгляд проводницы. Попробовал подмигнуть ей, но получилось криво, будто рожу скорчил. Добродушно хмыкнув, она отвернулась.

«Красивая», — подумал Фёдор.

Кто-то ведь обнимает ночами ее теплое, белое, мягкое тело, держит руку на сиське, легонько сжав сосок между указательным и средним пальцем. Он физически это ощутил. И даже взглянул на ладонь. Увидел лишь лейкопластырь. Поранился ночью, когда отрезал ломтик лимона на закуску. Сосед по СВ недоволено сопел. Фёдор налил ему. И тот стал добрый. Рассказывал какую-то чушь про внучку, к которой едет в гости.

«Нужен ты ей», — злобно и пьяно подумал Фёдор.

Сосед вскоре уснул. И громко проперделся во сне.

Осмотрев на прощание колени проводницы, Фёдор поднял сумку, вышел из-за колонны и заметил Карцева. Тот шагал по перрону, крутя головой. Увидел Фёдора, заулыбался и заранее вытянул руку, будто шлагбаум. Так и шел метров пятнадцать, что их разделяли.

— Фёдя, здравствуй! — сказал он.

Вцепился Фёдору в ладонь и долго тряс. Потом выхватил у него сигарету изо рта, огляделся и сунул окурочок в пустую банку из-под энергетика.

— Здесь нельзя курить! Мигом штраф нарисуют. Идем, моя машина на стоянке.

Они зашли в здание вокзала.

— Как добрался? Устал?

— Да нормально, — пожал плечами Фёдор.

— Сейчас приедем, выпьем, поедим, — сказал Карцев немного рассеянно. Он огляделся. — Да едри твою мать, где тут выход к стоянке? Что за идиотский вокзал?!

Побродив, они свернули в какой-то темный коридор, долго шли по нему и уперлись в массивную дверь с табличкой «Вход запрещен».

— Прекрасно! — сказал Карцев. — А если бы мы бежали от пожара? Как спастись?

Он злобно стукнул в дверь кулаком. Под потолком замигала красная лампочка.

— Валим!

Они вернулись в зал. Пассажиров было немного. Время приближалось к полуночи. Фёдор два раза икнул. В горле стоял горячий привкус, как от дешевого самогона.

«Надо было водку брать», — подумал он.

Мимо прошла высокая девушка в короткой юбке, с тонкими и длинными, будто макароны, ногами.

— Вот это дичь! — жарко прошептал Карцев. — Я бы в нее так выстрелил! Погоди-ка.

Он побежал следом, что-то говорил на ходу, показывая почему-то на Фёдора. Девушка продолжала идти, не оглядываясь. Карцев замедлился, отстал и вернулся.

— Ладно, сама не знаешь, что потеряла. Идем сраную стоянку искать.

— Что ты ей сказал? — спросил Фёдор.

— Ну что я ей сказал?! Что ты знаменитый писатель. Но очень стеснительный. Что ты влюбился в нее с первого взгляда. А подойти не решаешься. Зря распинался. Эта пизда наверняка и читать не умеет.

— Почему же ты не сказал ей, что ты знаменитый кинорежиссер? Кино-то она смотрит?

— Тик-токи она смотрит, — проворчал Карцев. — Идем.

Сонный полицейский, похожий на подростка, щуплый и лопоухий, объяснил им, как выйти на стоянку. Фёдору хотелось хлопнуть его по плечу и спросить: «Устал, сынок?»

Коньяка не хватило. А то бы так и сделал. Потом, наверно, сидели бы с Карцевым в обезьяннике.

— Жень, у тебя водка есть? — спросил он, когда вышли на стоянку.

— Конечно, у меня есть водка, — ответил тот. — Ты совсем меня за придурка держишь? Так, где машина, суки?

Карцев снова крутил головой. Фёдор похлопал его по спине.

— Чего нервничаешь? Вон она. — И показал на черный БМВ.

— Да ну тебя! А, вон моя ласточка.

Чуть дальше стояла серая «Лада-Калина».

— Выпить уже хочется, — сказал Карцев, усевшись за руль. — Вот и нервничаю.

2

Фёдор разглядывал в окно ночной Петербург. Промелькнула банальная мыслишка: «Ну, здравствуй еще раз». Город не ответил. Последний раз Фёдор приезжал сюда четыре с лишним года назад. Его роман «Колесо обозрения» вышел в финал премии «Национальный бестселлер». Критики записали Фёдора в явные фавориты и прочили победу. Он и сам в это поверил. Но жюри не присудило книге ни одного балла. В какой-то момент Фёдору стало мерещиться, что гости, собравшиеся на церемонию, смотрят на него с насмешкой. Хотелось стать волком и вцепиться им в глотки.

Выиграл писатель Каргополов с романом «Чудень». Он выбежал на сцену и стал отплясывать вприсядку. Сидящий рядом с Фёдором писатель Сельдин пробормотал:

— Мудень!

Потом был традиционный фуршет. И Фёдор пил как не в себя. Подходили знакомые, вроде утешали. Кто-то сказал:

— Все мы знаем настоящего победителя.

И Фёдор пил еще сильнее. Потом блевал в туалете для инвалидов, схватившись за поручень рядом с унитазом. Умывшись, снова охотился за водкой. Но водку всю выпили. Пришлось заливать белым сухим вином. Он знал, что это ошибка. Но остановиться не мог. Мимо, ухмыля-

ясь, прошла знаменитая критикесса Эльзана Круглова. Скользнула по нему презрительным взглядом. Фёдор попытался шлепнуть ее по заднице, промахнулся и чуть не упал.

— Держитесь, Собакин, — сказала она.

У Фёдора возникла навязчивая идея отдавить Каргополову ногу. Топая, он носился по опустевшему залу, пугая официантов. Услышал краем уха:

— Может, милицию?

Откуда-то выплыл редактор Попцов, приобнял за талию.

— На воздух, на воздух.

И вывел на улицу.

Мелькали бары, в одном из которых потерялся бумажник. Попцов, похожий на чертика из табакерки, без останки хихикал. Фёдор тянул руку к его лицу, намереваясь оторвать губы. Представил его оскаленного, удивленного и засмеялся сам. Кутру чуть протрезвел. И стало не смешно. Ночной поезд уехал. А как мечталось, что поедет в нем, озаренный победой! Будет пить маленькими глотками французский коньяк (специально заранее купил бутылку, где она, кстати?), глядеть в окно на проносящиеся поля, леса, реки, деревни, полустанки и время от времени немножко усмехаться.

Проснулся он во второй половине дня в незнакомой квартире, с диким похмельем и ощущением полного краха. Пришел свеженький Попцов с чашкой кофе и сказал что-то по-французски.

«Пошел на хуй», — подумал Фёдор и схватился за большую голову.

А впрочем, Попцов опохмелил его, купил билет на следующий ночной поезд и вызвал такси. Спустя два дня

прислал сообщение с суммой долга. Правда, включил туда лишь стоимость билета.

Фёдор вспоминал слова Эльзаны Кругловой. Они почему-то казались самыми обидными. Будто плевок в поверженного. Спустя примерно год Круглова написала убийственную рецензию на его новый роман «Контроль». И та ее фразочка показалась ласковой и заботливой. Никто, как обычно, особого внимания на рецензию не обратил. Но Фёдор пару ночей не спал, мечтая, как будет отвечать ей тяжелые оплеухи. И, может быть, сдерет с нее это дурацкое белое платье в черный горошек. А вот жена, теперь уже бывшая, была довольна. Фёдор всю неделю трахал ее особо свирепо. Но все равно через восемь месяцев ушла к владельцу сети уличных биотуалетов.

Карцев отвлек от неприятных воспоминаний. Демонстративно взглянув на часы, сказал:

— Вот и лето прошло! Ты чего такой кислый, Федь? Укачало?

— Немножко.

— Уже почти приехали. Знал бы ты, какой я тебе подготовил сюрприз!

Представилась голая женщина, обмазанная медом.

— Сегодня отдыхаем. Завтра заселяем тебя. Послезавтра начинаем работать.

«Я начинаю».

С Карцевым они познакомились лет восемь назад. Фёдор издал первый роман «Зверье», переехал в Петербург, снял однушку на окраине и сел за второй роман. Издатель торопил. Первая книга внезапно влетела в топы продаж, правда, промчалась мимо всех премий. Утонула в длинных списках. Но тогда это не так волновало. Фёдор чувствовал почти охотничий азарт. Писалось хорошо. Он завел юную

любовницу, конечно, фанатку «Зверья». А потом пришло сообщение от кинорежиссера Евгения Карцева.

«Я экранизирую ваш роман!» — написал тот.

«Это прекрасно», — ответил Фёдор.

В этот момент фанатка делала ему минет.

Казалось, сама судьба повернулась к нему с широкой улыбкой и распахнула объятия. Но улыбка быстро превратилась в оскал. Его второй роман «Последствия» провалился. Фанатка ушла. Ей тоже не понравился роман. А Карцев так и не отыскал денег на фильм. Вскоре отказался от затеи и стал снимать сериал для телевидения.

Через полгода Фёдор из Петербурга уехал в родной городишко. Карцев не пропал. Время от времени присылал сообщения. Фёдор отвечал скорее от скуки. Завязалось что-то вроде дружбы. Карцев собирался экранизировать и второй роман. И снова не нашел денег. Потом была история с «Нацбестом». Карцев в это время был в Белоруссии, снимал какой-то сериал. Прислал сообщение: «Собакин, ты победишь!» Нострадамус хуев!

Месяц назад он позвонил:

— Федька, бросай все и гони в Питер! Беспроектное дело! Но ты мне нужен тут. Жилье есть, все есть. Сиди да пиши.

— Чего писать-то? — спросил Фёдор вяло.

— Сценарий! Главное, деньги я уже нашел. Получишь пару миллионов. Подробности на месте расскажу. Ноги в руки, руки в ноги и живо сюда! Я тебе билет купил. Аванс будет!

К этому моменту Фёдор три года ничего не издавал. И почти год ничего не писал. Устроился в районную библиотеку и очень редко подрабатывал экскурсиями по родному городу. Приезжих туристов было мало. А земляков

захолустье не интересовало. Все мечтали свалить. Единственное утешение — завел статную и пылкую любовницу по имени Инна. Она работала школьным завучем. Прочитала два его романа. Фёдор подумывал о женитьбе. Вот только с деньгами было плохо. И тут как будто судьба снова спрятала оскал и подарила что-то вроде мимолетной улыбки.

Инна спросила:

— Так что, в Питер можем переехать?

— Давно пора, — ответил Фёдор.

И стал собираться.

3

Они приехали на северную окраину и остановились у жилого комплекса, который был похож на гигантский стеклянный гроб. Фёдор совсем протрезвел. Хотелось спать. Он вылез, закурил и передернулся всем телом. Карцев отошел в сторону и сделал десять приседаний. Колени его пощелкивали. Затем пять раз отжался. Фёдор пускал клубы отечественного дыма и смотрел.

— Крестец клинит, — сказал Карцев, выпрямившись. — Плечо ломит. Шею заедает. Ты бы, Федь, тоже размялся. С твоей сидячей работой иначе никак. Заржавеешь.

Фёдор поморщился:

— Идем уже выпьем.

Они поднялись на семнадцатый этаж. У Карцева была просторная трехкомнатная квартира, светлая и стерильная, будто хирургический кабинет. Фёдор осмотрелся, и ему вспомнилось слово «хай-тек». Неуютно. Но по срав-

нению с его двухкомнатной хрущевкой, окна которой выходили на замусоренный пустырь, — Эрмитаж.

— Я тебе дальнюю комнату подготовил, — сказал Карцев. — Можешь там переодеться. Если хочешь, в душ сходи. В шкафу полотенца есть.

Фёдор так и сделал. Переоделся, взял полотенце и забрался в душ. Стало полегче. Усталость и напряжение отступили. Он немного подергал себя за член. Безуспешно. Толком не встало. В общем, не очень-то и хотелось.

Карцев накрыл стол. Достал из морозилки ноль семь водки и разлил в рюмки. Выпили банально за встречу. Фёдор закусил квашеной капустой. Есть тоже не хотелось.

— Я же сюрприз обещал, — спохватился Карцев. — Закрой глаза.

Фёдор улыбнулся:

— Да ну, чего...

— Закрой-закрой.

Он закрыл:

— Не подглядывать.

— Я не подглядываю.

Карцев с чем-то возился. И Фёдору представились две картины. В одной приятель замахивался молотком для отбивания мяса, собираясь раскрошить ему череп. В другой расстегивал ширинку и подносил к его губам член. И правда, запахло чем-то пряным, знакомым. Фёдор испуганно открыл глаза. Карцев держал перед ним тарелку с малосольными огурцами.

— Ну как? — спросил он.

Фёдор выдавил улыбку:

— Супер!

— Ага! А что я говорил? Быстро выпили и закусили вот этим!

Так и сделали.

— Я же помню, — сказал Карцев.

— О чем?

— Что ты по огурцам с ума сходишь.

«Разве?» — подумал Фёдор.

Но вслух сказал другое:

— Это точно!

— Не зря я мечтал стать фокусником. Ну, в каком-то смысле и стал им.

Карцев вздохнул, провел языком под нижней губой.

— Давай о деле поговорим.

— Давай.

— Есть человек. Богатый, как дьявол. Он дает деньги на фильм. Завтра отвезу тебя в квартиру бабушки Биби...

— Погоди, — сказал Фёдор. — Какая бабушка Биби?

Карцев лениво пожал плечами, как будто устал уже объяснять каждому встречному, кто такая бабушка Биби.

— Если быть точным, это моя двоюродная бабушка. Умерла два месяца назад. Квартира свободна. Очень живописное место, напротив Львиного мостика. Я подумал, ты там сможешь спокойно работать. В общем, увидишь, тебе понравится.

— Хорошо, — сказал Фёдор. — Ты говорил про аванс.

— Завтра позвоню олигарху и договариваюсь о встрече. Меня он знает. Хочет с тобой познакомиться. Он читал твои книги. Ты ему понравился. Он выдаст аванс. Ты пишешь сценарий. Когда закончишь, он платит тебе весь гонорар. Предварительно договорились на два миллиона. Потом он дает деньги на фильм. Я запускаюсь. Точка. Такой план. Тебе нравится?

— Мне-то нравится, — сказал Фёдор. — А о чем сценарий?

— Откуда мне знать? — сказал Карцев, наливая. — Придумай. Ты же писатель, лауреат.

— Я не лауреат, — уточнил Фёдор.

— По недоразумению. Сам знаешь.

— Все это никого не волнует.

— Я думаю, у нашего инвестора могут быть какие-то личные пожелания. Человек он, я слышал, и сам творческий. Короче, на месте все выясним.

— Как его звать-то? — спросил Фёдор. — Может, я его знаю?

— Ты его точно не знаешь, — вдруг заревновал Карцев. — Панибратов Игорь Игоревич. Ну что, знаешь?

— Первый раз слышу.

— Вот. Потому что нашел его я!

— А если он не знает? — спросил Фёдор.

— Кого? Тебя? Он тебя не знает, но книжки, говорю, читал. Я дал. Ему понравилось.

— Я не об этом. Если он сам не знает, чего хочет. Может, к «Зверью» вернуться тогда?

— Какому такому зверью?

— Роман мой. Ты снимать его хотел.

— Я? Да, помню. Но это сейчас неактуально. И потом, роман твой я и сам могу переписать в сценарий. Ты тогда зачем приехал?

«Действительно».

— Сочинишь, — махнул рукой Карцев. — Не переживай.

— Я не переживаю.

— Тогда пьем.

К двум часам ночи они выпили бутылку и разошлись по комнатам. Фёдор лежал в темноте и улыбался. А потом перестал улыбаться. Он забыл написать Инне, что при-

ехал. Это было плохо. Смартфон лежал на тумбочке. Фёдор зажег экран, проморгался. Двадцать восемь пропущенных вызовов, шестнадцать эсмэс и наверняка под пятьдесят сообщений в телеграме. Он не стал открывать. И так догадывался, что там написано. Такое случалось не первый раз. Но надо было сдаваться. Водка добавила храбрости. Фёдор спрятался под одеяло и нажал вызов. Инна ответила после первого гудка. Точнее, приняла вызов и молчала.

— Инна, милая, это я. Я добрался, все хорошо, сейчас дома у Жени, — затараторил Фёдор. — Звук забыл включить...

Но слова вдруг слиплись в какой-то неразборчивый комок. А повторять не нашлось сил.

— Сейчас половина третьего ночи. Завтра первое сентября. Точнее, уже сегодня. У меня будет тяжелейший день. Я не спала. И уже точно не усну. Спасибо тебе, Федя!

Он начал что-то объяснять про сценарий, который обсуждали с Карцевым, про Панибратова, которого назвал Побратимовым, упомянул даже бабушку Биби, говорил про любовь, винился, укусил себя за руку и тут же об этом сообщил.

— Ты закончил? — спросила Инна.

— Да, но нет. Я ужасно виноват, я забылся...

— Я уже поняла, Федя, что для тебя выпивка с приятелем оказалась важнее. Ты просто расставил приоритеты. И выбрал не меня. Обсуждать тут нечего.

Фёдору показалось, что она сейчас заорет. Но Инна орать не стала.

— Спокойной ночи. Сладких тебе снов. Ты-то, конечно, уснешь без проблем. И это хорошо. Главное, счастье не проспи.

Она отключилась. Фёдор не стал перезванивать. Это было бесполезно. Она бы и не ответила. Полежав немного, он отправил ей эсэмэс:

«Я козелд».

А потом и правда очень быстро уснул.

4

Пьяный сон оказался недолгим. Открыв глаза, Фёдор сразу схватил смартфон и проверил время — начало девятого. Инна уже в школе. Скоро начнется линейка. Или уже началась? Он не помнил, во сколько начинается линейка. Да это было и не важно. Проверил эсэмэски — все старые. А чего он ждал? Что Инна ответит нечто вроде: «Ты никакой не козелд. Ты милый, нежный, ранимый мальчик». Почему, кстати, мальчик? Что еще за бред?

Фёдор открыл телеграм. Он не ошибся. Вчерашние сообщения сыпались, как камнепад. Читать их было больно. Еще Инна подправила настройки конфиденциальности. Теперь не было видно, когда она заходила последний раз. Это тоже проходили. Он написал «прости меня», отправил и положил смартфон на место, решив ближайшие несколько часов быть офлайн. Но не выдержал и минуты. Снова схватил, открыл, посмотрел, прочитала ли сообщение. Нет, не прочитала. Снова положил смартфон на место. От всех этих телодвижений разболелась голова и замутило.

По коридору прошлепали босые ноги. Фёдор немного полежал и вылез из-под одеяла. Карцев был на кухне, смотрел в холодильник.

— Надо подлечиться, — сказал он.

— А мне нормально, — ответил Фёдор, имея в виду лишь похмелье.

Карцев отмахнулся:

— Ты моложе. Сколько тебе? Сорок?

— Сорок два.

— Ну вот. Перевалит за пятьдесят, почувствуешь разницу.

Он хлопнул дверью холодильника.

— Нет ничего. Все выпили. Ладно, тут магазин рядом.

— Рано же еще. Девяти нет.

И снова вспомнил Инну. Она, наверно, как раз занимается построением. Или что там делают завучи? Невыносимо захотелось позвонить.

— Мать твою! — сказал Карцев. — Два с хуем часа еще ждать!

— Погоди.

Фёдор вернулся в комнату, порылся в сумке и достал шкалик коньяка. Проверил смартфон. Пусто. И его сообщение висело непрочитанным. Фёдор удалил его, чувствуя сладкую злость.

«И хрен с тобой», — подумал он.

Потом вспомнил, как Инна, подобрвав юбку, сидела на корточках и насаживалась на его член. Прямо перед отъездом. Устроила ему проводы. Лицо ее было сосредоточенным. Его собственное лицо, казалось, вот-вот лопнет. Он стискивал зубы и представлял отрубленные головы и кучи вырванных глаз, чтобы продержаться подольше.

Снова написал «прости меня», отправил, испуганно отложил смартфон и вернулся на кухню.

Увидев коньяк, Карцев сказал:

— Спаситель! Будешь?

— Мне терпимо.